

Наталия ЧЕРНЫХ

НОВЫЕ ТОЧКИ КООРДИНАТ
Две книги издательства НЛО

Меня спросили, кто я. Мой ответ был довольно длинным, я объяснил, что все мое творчество – ответ на этот вопрос, или, скорее, поиск ответа на него.

Ян Каплинский, Наши тени так длинны.
Из «Переводов эстонских стихов»

«Новое литературное обозрение» для меня сохраняет статус наиболее представительного и респектабельного издателя поэзии в отечестве. Назову несколько важных для меня книг. 2019 год подарил «Северную ходьбу: три книги» Игоря Булатовского (серия «Новая поэзия»), автора известного и многими любимого, это лицо новой петербургской поэзии. В 2018-м в той же серии вышла «Жизнь в пространстве» яркой и талантливой Галины Рымбу. Анонсирована «Книга обстоятельств» великолепного Олега Юрьева, уже вышли из печати кропотливо и тщательно сделанные «Показания поэтов», мемориал Василию Кондратьеву, которые к «Новой поэзии» не относятся, но логически связаны с ней. Нельзя обойти вниманием тенденциозную книгу Георгия Генниса «Чем пахнет неволя» (вошла в шорт премии Андрея Белого) и книгу Марины Темкиной «Ненаглядные пособия». Оба издания, вышедшие в серии «Новая поэзия» в 2019 году, составляют своеобразный эмигрантский диптих, это приглашение к наблюдениям и исследованиям.

Однако я хочу остановиться на двух замечательных книгах; один сборник и одна книга стихов; оба автора отлично известны читателю НЛО и заслуживают самого теплого внимания: «Наши тени так длинны» Яна Каплинского и «Дословно» Хамдама Закирова. Две эти книги сами собою составили стрелку компаса, ось север-юг, хотя Ян Каплинский живет в Эстонии, а Хамдам Закиров в Финляндии. И тем не менее это именно ось, направление Фергана – Таллин, линия, проходящая через время и поколение, ориентир в современной поэзии.

Кроме того, книги эти связывает имя автора предисловия. В этом качестве Сергей Завьялов выступает редко, но каждое предисловие поражает тщательностью и необычностью точки зрения на поэзию и, в частности, на поэзию автора, о котором Завьялов пишет. Предисловия довольно крупные, но их имеет смысл читать перед стихами, так как разрозненные впечатления от отдельных стихотворений сами по себе не смогут дать ясной и полной картины поэзии. Впрочем, у каждого свои приемы чтения стихотворений.

Хамдам Закиров. Дословно / Предисловие Сергея Завьялова. – М: Новое литературное обозрение, 2018. – 192 с. – (Серия «Новая поэзия»)

«И краски сгустились вокруг тебя, и густо пахло выжженной травой» («Сеанс рисования»). Хамдам Закиров, на мой глаз, самый необычный поэт Ферганской школы, знакомой читателю по утонченным, цинично-возвышенным опусам Шамшада Абдуллаева, сочетающим европейскую интеллектуальность и среднеазиатскую неторопливость. Хамдам Закиров бунтарь, сохраняющий сонное и тщательное очарование Ферганы, но

идуший вразрез с принципами Ферганской школы. Он совершенно (насколько можно быть совершенным) космополитичен, и парадоксально верен культуре своего малого отечества, которое в древности известно было поэзией и шелковым производством; в этом отечестве некогда был расположен один из самых необычных городов России – Маргилан.

О чем бы ни писал Хамдам Закиров: ночная дорога с окраины в город через опасный квартал, дождь на Тверской улице, день на диване с книгой, – все увидится читателю близким, знакомым, на расстоянии вытянутой руки. Но не стоит доверять грезам; даже краскам грез, которые «сгущаются»: видение рассыпается, оставляя экзистенциальный пепел.

Вот так вот. Что и говорить.
Лишь донести до пепельницы пепел,
не проронив, и так же, молча,
продолжить этот день.

Пепел в ноябре

Этот пепел – метафора сухого остатка бытия, того немного, с чем человеку приходится иметь дело после того, как грезы уйдут. А грезы могут быть очень значительными и большими: семья, любовь, народ, родина, культура, – все это не выдерживает проверки на прочность. Сгущение красок и запах выжженной травы вокруг – скупой, но сильный образ полного исчезновения, огня, который поглощает все. Даже смерть (не говоря о жизни) перед этим пламенем теряет часть своего значения. «Дословно» для меня – чудо сочетания невероятной, даже щеголеватой скупости поэзии с прихотливой, действительно персидской, тщательностью и нервной, напористой, присущей современной музыке динамикой. Каждое стихотворение в книге можно разделить на несколько периодов: то оно длится, становится почти заунывным, почти тяжелым от идущих, песчинка к песчинке, подробностей; а то вдруг становится на дыбы и начинает двигаться в inferнальном или даже макабрическом танце; это стихотворение-дервиш, стихотворение-бахши.

Я постепенно растворяюсь,
протягивая руку вдоль по ветру,
несусь за листьями, соринками и мошкаррой,
которые поток срывает с места.,
чтобы внезапно опустить к арыку...

<...>

Я истончаюсь всякий раз,
как слышу голос мамы. Пусть
говорит не останавливаясь, пусть (хотя все те же
известные родительские темы, главное
не слушать – слышать...

Исчезновения

В предисловии Сергей Завьялов проводит интересную параллель между двумя типами среднеазиатских поэтов, описывает разницу между возвышенным поэтом-шаиром и погруженным в гущу событий странником-бахши. Это и есть контраст Ферганской школы поэтов: шаир, небожитель Шамшад Абдуллаев, каждый текст которого есть жест,

направленный прочь от бытовой тематики в обители абсолютной культуры, и бахши, бродяга-наблюдатель Хамдам Закиров, идущий как пламя по ткани бытия.

«Дословно» Хамдама Закирова скрывает в себе – и парадоксально обнаруживает – обостренно-личное, уникальное, но способное выразить и переживания земли и населявших ее народов, тюркских и ираноязычных. Земля в «Дословно», со всеми ее зданиями, дорогами, растительностью и историей, в том числе и историей отношений между людьми – несомненно одно из важнейших явлений, как и огонь. «Дословно» – жизнь между землей и огнем, в постоянном движении, то медленном и сладком, как забытье, то конвульсивном, как танец крутящегося дервиша, в котором каждый жест – это цитата из происходящего здесь и сейчас, то самое «дословно».

В книге пять частей, на мой взгляд, возникших органично, но кто знает, что стоит за этой, не стоившей труда на первый взгляд, композицией: «Вдали от моря» (наиболее сентиментальная и «земная» часть книги), «Истории, подслушанные на остановках» представляют собою нечто вроде дневника, возникшего в ходе сложного опыта; «Ненаписанные рассказы» очаруют текучей прозой поэта; «Медленное время» полно контрастов и драматично; «Коллекционер дверей» мне видится единой симфонией, составленной из написанных один за другим фрагментов, хотя стихотворения этой книги вероятно не писались последовательно. Это самый «северный» раздел книги.

Человек – это, конечно, не ответ на вопрос «кто я», но я бы сказала, что человек – это множество. К такой мысли подводит «Дословно» Хамдама Закирова. «Это одинокое множество», – уточнит эстонец Ян Каплинский, признанный знаток восточной поэзии. Его сборник «Наши тени так длинны» продолжает тему человека с довольно необычной точки зрения: как малой народности (!), некогда включенной в огромную систему, а теперь оказавшейся перед лицом исчезновения. Наследие прошлого неизбежно, настоящее угнетает, будущее почти не просматривается; а одиночество это способ общения.

Лампы разные, а свет тот же самый.
Он приходит с иной стороны, пишет Руми.
Интересно, писал ли он это при дневном свете,
при свете свечи или масляной лампы? Он, конечно, прав,
и все же что-то существенно изменилось с тех пор,
когда начали жить, читать и слагать стихи
При электрическом свете. Во времена свечи и лучины
Не жили так много глазами...

Ян Каплинский. Лампы разные, а свет тот же самый

Ян Каплинский. Наши тени так длинны. Стихотворения и переводы / Предисловие и редакция поэтических текстов Сергея Завьялова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 368 с. – («Художественная серия»).

*Поэты пусть пишут стихи а я летучая рыба
взлечу и скажу свои слова*

Ян Каплинский. Из «Переводов эстонских стихов

«Север» Яна Каплинского был открыт еще в шестидесятые. Его книга «Следы у родника» вошла в «кассету» – особым образом оформленное собрание небольших поэтических сборников эстонских поэтов. Ориентированность на европейскую, а не на условно-советскую поэзию для Прибалтики была отчасти формой самосохранения: языка во всех его оттенках, культурных реалий и исторической памяти. В РСФСР такие стихи

могли появиться только в виде исключения. В 1977 году стихотворение Яна Каплинского «Песня о жизни и смерти» было включено в антологию Библиотеки всемирной литературы, том «Советская поэзия», вышедший к 60-летию Великого Октября. Стихотворение было переведено силлабо-тоникой, а не верлибром, как было написано, однако и в таком переводе советский читатель мог познакомиться с замечательным поэтом. В 1987 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга стихотворений «Вечер возвращает все» в переводах Светлана Семененко, часть которых размещена в настоящем сборнике.

Знание всегда значило для меня
меньше, чем узнавание,
чем понимание. Это как огонь,
как движение пожара по земле –
позади пепел, впереди сухая трава, прошлогодние
стебли крапивы и полыни...

Знание всегда значило для меня. Из «Переводов эстонских стихов»

Долгое время Ян Каплинский писал на эстонском; в сборнике «Наши тени так длинны» «Переводы эстонских стихов» занимают почти две трети. В трудах по редакции перевода Сергею Завьялову помогали Игорь Котюх, Елена Пестерева и Елена Дорогавцева. И, возможно, это наиболее характерная, тенденциозная и драматичная часть книги.

Вспомним, что в отдельном издании книга «Белые бабочки ночи» (Tallinn, Kite, 2014) получила Русскую премию, а «Улыбка Вегенера», вышедшая в 2017-м, в 2018-м удостоена была премии Андрея Белого. Эти две книги написаны по-русски.

Уникальный случай! Эстонец, сын поляка, пишет почти всю жизнь на эстонском, хотя русский знает и любит с детства, которое полно воспоминаний о русской литературе, – однако в нулевых уже окончательно переключается на русский и оказывается одним из самых известных за пределами России русскоязычных поэтов. Хотя, на мой взгляд, это очень трудная поэзия, именно тем, что в ней органично соединены европейский и российский менталитеты, то есть противоположности. О гениальном актере говорят: он выходит на сцену и вносит конфликт, не сказав ни единого слова. Западно-восточная, русской-европейская драма поэзии Каплинского чувствуется с первых слов, с названий. Хотя бы «Песня о жизни и смерти».

«Наши тени так длинны» сборник очень большой; кроме переводов эстонский стихотворений и фактически четырех русских книг («Инакобытие», «Белые бабочки ночи», «Улыбка Вегенера» и «Третьей книги стихов») в нем есть раздел переводов, выполненных автором из любимых им поэтов: Ли Юй, Харри Мартинсон, Фернандо Пессоа.

Однако наиболее интересным в этой книге мне видится именно начало («Переводы эстонских стихов»), которое длится очень долго, и «Третья книга стихов». Что не отменяет восторга перед книгой «Белые бабочки ночи», воздушная и очень насыщенная красота которой оценена была по достоинству, что редкость.

Читать Каплинского трудно, тяжело и медленно – как грести в штормовом море ночью, как пить морскую воду. Почти не употребляя слова «смерть», поэт говорит о ней, и любой предмет (а Каплинский любит предметы, он ими любит) становится поводом к размышлению о смерти. Смерть может показать черно-белое кино из воспоминаний, и тогда возникают красивейшие в своей скупости, почти документальные тексты о посещении архива, чтобы найти сведения об отце.

Посмотрел из окна на Тоомпеа в сторону Копли. Конец залива был виден, но у моря все было в серой дымке. Думал, что это туман, но потом понял, что это надвигающаяся метель. Когда вышел спустя час, шел крупный снег. Там, в подъезде на Тынисмяэ, пришлось стряхнуть снег с одежды и сумки. Поднялся

на третий этаж, где меня ждало дело моего отца из бывшего спецхрана НКВД. В нем было не больше двадцати пяти страниц.

Посмотрел из окна на Тоомпеа. Из «Переводов эстонских стихов»

Такое видение мира можно было бы назвать депрессивным, не заслуживающим внимания современного человека, наполненного сведениями о катастрофах и насилии, но есть один момент, мне кажется, присущий только Каплинскому: этот поэт всматривается в смерть как в точку прицела, хотя, вероятнее всего, стрелять не собирается. Смерть у Каплинского – не исчезновение, а особого рода оптика, которая позволяет различать предметы во мраке небытия, не-существования, во мраке всеобщей потерянности.

Каждое стихотворение разворачивается неторопливо, как старый колодезный ворот, но результатом чтения будет необыкновенная легкость и свежесть восприятия, почти детскость. Каплинский – поэт зрелости и домладенческой ясности, которая неразрывно связана со зрелостью.

Современность располагает к легкому, фамильярному употреблению слов. Связь рождения и смерти для современности является чем-то вроде прикола, мема, чем-то очевидным, хотя эта связь далеко не очевидна. То же происходит с понятиями боли и травмы. Эти слова легко употребляются, о них часами говорят в социальных сетях, но сами понятия остаются за пределами разговора, потому что это действительно страшно. Поэзия Каплинского возвращает боль на место боли, травме отводит должное место, амбиции вводит в рамки пейзажа. Это поэзия вызова почти в античном смысле: фатуму. В ней каждый миг бытия переживается болезненно, неудобно. Эта поэзия идет не по жизни, а сквозь жизнь.

Есть поговорка: у прошлого длинные тени. Название этой книги напоминает о ней.

«Дословно» Хамдама Закирова и «Наши тени так длинны» Яна Каплинского представляют собой две кардинальные точки поэзии двадцать первого века, но расположенные в одном направлении, условно говоря: с юга на север. Оба поэта, Каплинский как представитель старшего поколения, а Закиров – младшего, поэты деталей. Деталь в этой поэзии – линза, сквозь которую идут лучи отношений: предмета к предмету, человека к предмету, человека к человеку, и так далее; стихия, пейзаж, социум – все лучше различимо через словесную линзу детали.

Поэзия Хамдама Закирова почти инфернальна; это скорее танец слов, кружение слов, ритуальное пение; нечто сумрачное и жаркое, текучее, как нагретая солнцем дымка над песком, который уже начал остывать. Поэзия Яна Каплинского вызывает воспоминания о стоиках, это, при всей нацеленности на смерть, нечто светлое и холодное, однако обещающее тепло. Утонченное эстетство Хамдама Закирова, снисходящего к простым вещам, контрастно незатейливому, но трудному в своей незатейливости, языку Каплинского, который все же прежде всего эстетичен. Мне не хотелось бы, чтобы у читателя осталось ощущение, что я рисую словами некую монаду, но с монадой согласна. Однако поэзия не самодостаточна, она очень подвижна и разнообразна, очень изменчива. Два очень разных поэта встретились в одном году в одном издательстве, и даже названия их книг можно составить в моностих: дословно – наши тени так длинны.